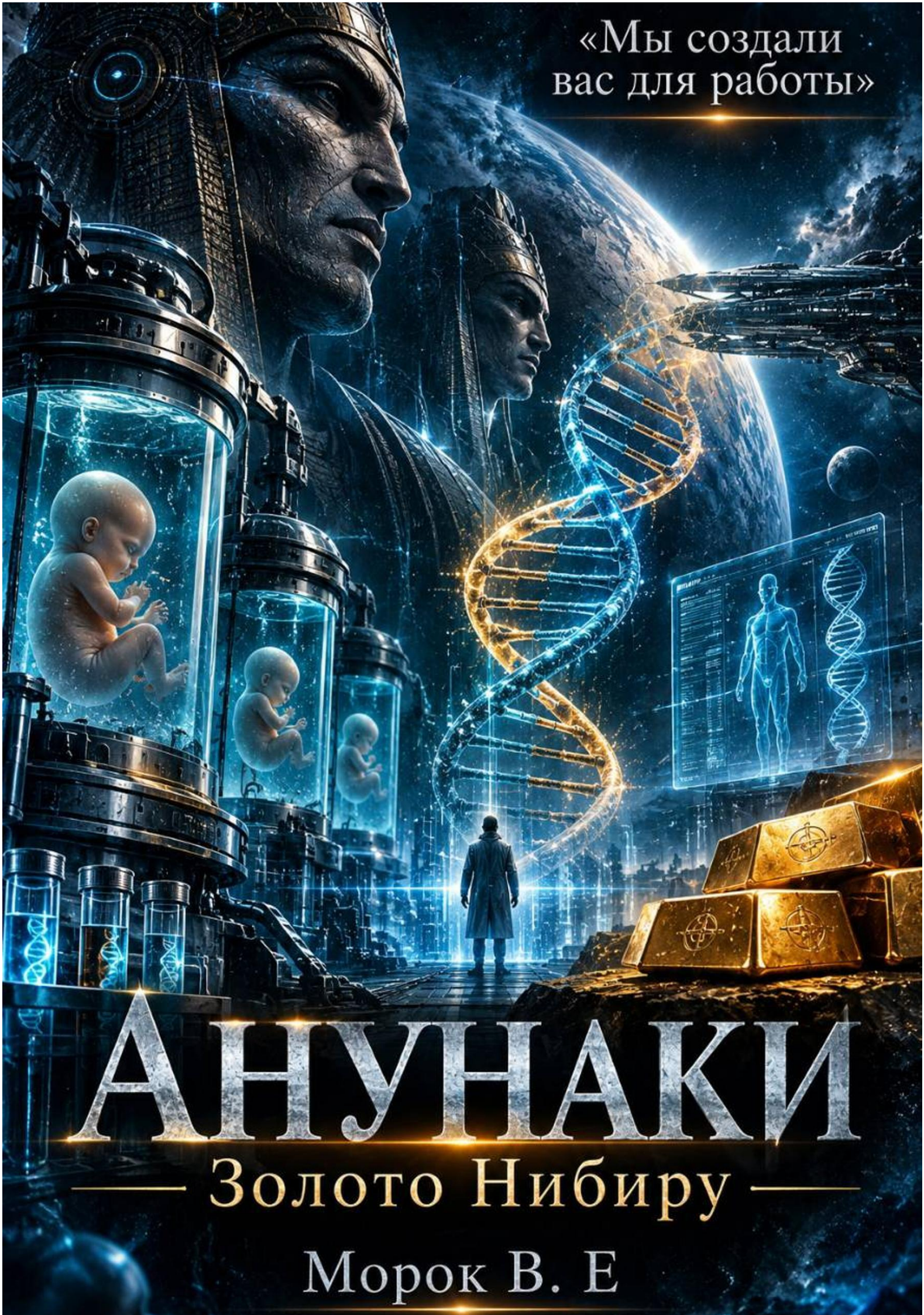
«Мы создали
вас для работы»
АНУНАКИ
Золото Нибиру
Морок В. Е

Морок В.Е

Анунаки

«Автор»
2026

Морок В.Е

Анунаки / Морок В.Е — «Автор», 2026

Нибиру умирает. Атмосфера рассеивается, города пустеют, и последнее, что может спасти планету, — золото. Оно лежит на голубой планете, где уже живут те, кто слышит голос Земли.Анунаки прилетают как боги. Приносят машины, шахты и слово «Больше». Но Земля — не рудник. Она — живая. И она сбрасывает всё, что не стало её частью.Энки — учёный, который должен спасти свой народ. Для этого ему придётся создать тех, кто будет копать вместо него. Существа без памяти, без имени, без души. Две цепочки вместо двенадцати. Но жизнь всегда находит лазейку.Нира — первый крик созданного человека. Она не должна помнить. Не должна слышать. Но Земля поёт — и песню нельзя вырезать никакими ножницами.Роман о том, что происходит, когда выживание оказывается важнее совести. И о тех, кто умеет ждать.Роман о том, что происходит, когда выживание становится важнее совести. И о том, почему земля всегда побеждает.

© Морок В.Е, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПРИБЫТИЕ 5
Прололг. Сигнал с Нибиру 5
Глава 1. Голубая планета 6
Глава 2. Шахты Абзу 8
Глава 3. Язык сердца 11
Глава 4. Цена золота 14
Глава 5. Нинхурсаг 18
Глава 6. Совет в Эриду 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Анунаки

ЧАСТЬ 1. ПРИБЫТИЕ

Прололг. Сигнал с Нибиру

Небо над Нибиру называли небом только по привычке. Настоящее небо — синее, с переменчивой погодой, о котором писали старые хроники, — ушло за сотню поколений до рождения Ану, и никто из живых его не видел.

Ану стоял на балконе башни и смотрел вниз, на то, что осталось от Первого города. Над кварталами дрожал жар. Когда-то здесь текли реки; теперь от них остались сухие русла, и русла вели в никуда — они заканчивались среди камней так же внезапно, как кончилась вода.

— Атмосфера уходит быстрее, чем мы считали, — сказал за его спиной Энлиль. — Двести лет. Может, меньше.

Ану не обернулся. Он знал эту цифру по докладам, но доклады можно не читать, а голос сына, произносивший её вслух, был настоящей.

— А золото?

Энлиль помолчал. Он не любил задавать вопросы, на которые у всех уже есть ответ, — за этим он видел трусость, а трусость ненавидел.

— Золото есть. Но не у нас. Разведчики вернулись: в третьей системе, на голубой планете, его столько, что хватит укрыть небо. Рассеять в верхних слоях — и щит сомкнётся.

— Там есть жизнь?

— Есть. Но слабая.

Ану повернулся. Лицо у него было узкое и древнее, глаза — усталые той усталостью, какая бывает у тех, кто слишком долго решает за других. Он смотрел на младшего сына и думал не о золоте и не о щите, а о том, что через двести лет никто не вспомнит, кто отдал этот приказ. Вспомнят только, что он был отдан.

— Слабая жизнь не помеха, — сказал он. — Готовьте корабли.

Так началось то, что потом назовут «приходом богов».

Идём по порядку, без купюр: пролог у нас готов, дальше — главы одна за другой. Тот кусок восьмой главы, что мы смотрели, перепишем заново, когда дойдём до неё по счёту.

Плюс, как ты просил: где добавляю что-то от себя, я это помечаю в конце — решишь, оставлять или нет.

Глава 1. Голубая планета

Энки стоял у иллюминатора уже час, хотя доложить о готовности к спуску полагалось двадцать минут назад. Под брюхом корабля разворачивался чужой мир, и он не мог отойти.

Он был учёным и привык к цифрам, к диаграммам, к сухой красоте формул. Но море не помещалось ни в одну из них. Не пятно воды на дне пересохшей впадины, каким он представлял его по отчётам, — живая поверхность, которая дышала. Ходила складками, меняла цвет от чёрного к свинцовому, а на рассвете разгоралась по краю, как раскалённый металл.

— Двадцать процентов кислорода, — пробормотал помощник за его спиной. — Влажность выше нормы. Господин, это же рай.

— Это не рай, — отозвался Энки. — Это добыча.

Слово вышло злее, чем он хотел. Он и сам его услышал.

Корабль сел на плоскогорье, над ущельем, где в разведочных пробах золото лежало почти на поверхности. Трап опустился с шипением. Энки сделал шаг на чужую землю — и земля под сапогом вздрогнула. Не от тяжести корабля. От шага. Ему показалось, что планета заметила его.

Воздух был другим. Влажный, густой, с запахом мокрой травы и чего-то цветущего — Энки не знал слова для этого запаха, потому что ничего цветущего на Нибиру не росло уже много поколений.

— Вы чувствуете? — тихо спросил он.

— Что? — не понял Энлиль, спускавшийся следом.

— Ничего.

Энки не стал настаивать. Энлиль не любил разговоров о чувствах планет — как и разговоров о чувствах вообще: те не поддавались учёту.

В первый же день они увидели местных.

Сначала Энки не назвал их людьми. Слово было слишком простым для того, что он увидел.

Они стояли на краю плато, молча, в ряд, и было их немного, десятка два. Высокие, прямоходящие, с вытянутыми черепами и тёмной, красноватой кожей. По общему плану строения тела они были пугающе похожи на анунаков: лица, плечи, руки, пальцы, взгляд. Но в этой похожести было что-то чужое — не уродливое, нет. Самостоятельное, завершённое, словно природа здесь пошла другим путём и всё равно пришла к лицу.

— Гуманоидный вид, — тихо сказал Энки. — Очень близкий к нам по строению.

— Люди? — спросил Энлиль.

Энки помедлил.

— В отчётах разведки их называли Красными. По цвету кожи.

Он читал о них в донесениях и не верил. Теперь верил. Они не держали оружия. Они просто смотрели — и от этого взгляда хотелось оправдаться.

— Значит, не опасны, — сказал Энлиль.

Но Энки видел то, чего не видел брат. Самый старый, с белыми прядями у висков, шагнул вперёд и поднял ладонь. Это не было угрозой. Это было приветствие — так встречают гостей, которых не звали, но не гонят.

— Они знают, зачем мы пришли, — сказал Энки.

— Откуда?

— Не знаю.

Старик опустил руку. Потом заговорил. Слова были незнакомыми, но Энки вдруг понял их: не умом, а чем-то глубже, как понимают тишину или тепло.

Вы пришли за тем, что лежит в земле. Земля отдаст вам немного. Остальное не берите. Оно держит небо.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Энлиль.

Энки помедлил.

— Он просит нас быть осторожными.

— Передай ему, — сказал Энлиль, — что мы возьмём столько, сколько нужно.

Энки не передал. Он просто смотрел в глаза старику и видел в них то, что потом будет видеть десятки раз за долгие годы работы на этой планете: спокойную, печальную ясность. Так смотрят те, кто знает, чем всё закончится, — и всё равно не отворачивается.

В тот день шахты в Абзу заложили у подножия холма. Первый слиток подняли на закате.

Он был тяжёлый и тёплый, как живое существо. Энки держал его в ладонях и почему-то не мог отделаться от мысли, что слиток дышит.

— Хватит ли? — спросил Энлиль.

Энки посчитал в уме. Потом посчитал ещё раз, потому что первый ответ ему не понравился.

— Хватит, — сказал он. — Если копать будет кому. Нас слишком мало.

Энлиль нахмурился.

— Тогда пусть копают они.

— Красные не будут. Ты видел их.

— Не будут добровольно.

В голосе брата было то, что Энки слышал впервые. Не гнев и не жестокость. Решимость человека, который уже всё для себя решил и теперь просто озвучивает вслух.

Энки промолчал. Но в ту ночь, глядя в чужое небо, полное незнакомых звёзд, он впервые подумал о вещи, которую потом не сможет забыть до конца жизни: о существе, созданном для работы. О существе, у которого не будет выбора.

Он ещё не знал, что именно это решение станет самым долгим его раскаянием.

Глава 2. Шахты Абзу

Первое золото достали из земли руками через три года после посадки. Энки запомнил тот день не по датам — по тому, как ругались инженеры.

По расчётам жила уходила на сто метров вглубь, широкая, как русло реки. На деле она оказалась тонкой и капризной. Она ветвилась, пропадала, выныривала снова в десяти шагах — и, казалось, дразнила. Инженеры называли это «женским нравом руды» и ругались уже не стесняясь.

Абзу лежал в двух неделях пути от Эриду, первого поселения, где стояли корабли. Жаркая долина, зажатая между красными холмами. Река текла по ней неторопливо и мутно, а воздух стоял так плотно, что ложка в нём, кажется, могла бы застрять. Здесь Энки впервые услышал выражение «пятьдесят в тени». Тени, впрочем, не было вовсе.

— Сюда, господин. Осторожнее с краем.

Кишар шагал впереди по деревянным мосткам над провалом. Невысокий, жилистый, с обожжённым лицом и руками, на которых кожа давно стала похожа на старую кору. Дома, на Нибиру, он вёл баржи по каналам. Здесь вёл людей в землю и ни разу не пожаловался вслух. Энки ценил в нём это больше всего: люди, которые не жалуются, обычно успевают заметить то, чего не заметили другие.

Следом шёл Нинурта. Сын Энлиля был молод по меркам их рода — всего двести с небольшим — и ещё носил в осанке то, что носят все молодые командиры: уверенность человека, которого никто пока не подвёл. Он шёл так, будто холмы вокруг принадлежали ему.

— Сколько сегодня? — спросил он, не глядя на Кишара.

— Тридцать одна мера.

— Отец требует сорок.

— Отец видел расчёты, — сказал Кишар ровным голосом. — Я вижу породу.

Нинурта промолчал. Энки заметил, как дрогнули у него желваки, но ответа не последовало. С Кишаром спорить было трудно: он ни разу не повысил голос ни на кого за три года — и от этого его тишина весила больше чужого крика.

Они спустились в шахту.

Лифт был грубо сколочен, на тросе, который держался только благодаря упрямству тех, кто его ставил. Горизонты уходили вниз один за другим, и с каждым воздух становился жарче. На третьем Энки показалось, что он дышит из печи. На пятом он перестал замечать жару и стал замечать другое: тишину. Не ту, что бывает в пустом помещении. Другую. В ней что-то прислушивалось.

— Здесь, — сказал Кишар и поднял фонарь.

Жила лежала в стене, как шов на старой одежде. Тонкая полоса, не шире ладони, тусклая, почти незаметная. Но когда луч упал на неё под нужным углом, она вспыхнула так, что Энки на секунду зажмурился.

— Сколько её?

— Здесь немного. Но она идёт под холм. Если взять левее, где тонкий пласт пересекает речной ил, там самородки лежат почти на поверхности. Мы нашли их неделю назад.

Кишар достал из кармана тряпицу и развернул её. На ней лежал кусок золота размером с кулак ребёнка — неровный, тёплый от тела и тяжёлый.

— Возьмите.

Энки взял. Тяжесть была такой, какой он не ждал. Это был не тот холодный слиток, что лежал на приборном столе корабля. Этот был шершавый, с землёй в трещинах, и казалось, что он ещё не решил, отдаваться ли.

— Лугаль нашёл, — сказал Кишар. — Мальчишка. Ему триста лет, а он лазит по осыпям, как козёл.

Из темноты вышел юноша, тонкий и пыльный, с глазами, которые светились от гордости и усталости одновременно.

— Господин, — выдохнул он. — Он ведь настоящий?

— Настоящий, — сказал Энки. — Спасибо тебе.

Юноша покраснел так, что это было видно даже сквозь грязь. Потом он протянул руку, и Энки увидел: в трещинах на ладонях у мальчишки застряла золотая пыль, мелкая, как рыбья чешуя. Он её отмывал — видно было по красным, обдёрнутым до мяса пальцам, — а она всё равно оставалась. Золото не отмывается с рук того, кто его вытащил из земли.

На поверхности стояла машина, которую рабочие называли Молотом.

Это была резонансная бурильная установка высотой с трёхэтажный дом, питавшаяся от реактора, что гудел за холмом. Молот пробивал породу звуком. Он находил в камне частоту, на которой тот начинал рассыпаться, и наращивал её, пока стена не превращалась в щебень. Красиво, быстро, но очень капризно.

В тот день она сломалась в четвёртый раз за неделю.

— Опять, — устало сказал мастер, молодой и худой, с обмотанной тряпкой рукой. — Опора гуляет. Мы подтягиваем, а она на следующий день снова ползёт.

— Земля сдвигается? — спросил Энки.

Мастер пожал плечами.

— Земля, господин, не движется. Это же камень. Просто опоры не держат.

Энки не ответил. Он смотрел на указатель, привинченный к стойке Молота. Это был старый навигационный прибор, ещё с корабля: стрелка в нём всегда показывала на север, как положено, и сейчас показывала. Но она дрожала. Мелко, еле заметно, словно ей что-то мешало.

— Давно она так? — спросил он.

— С тех пор, как включили Молот, — сказал мастер и вдруг смутился. — Мы думали, это от реактора.

— Наверное, от реактора, — сказал Энки.

Он не поверил себе. Но наблюдение было слишком новым, слишком странным и слишком неуместным, чтобы говорить о нём вслух. Он записал его в память прибора и пошёл дальше.

Энлиль прибыл на третий день, вместе с грузовым челноком, и привёз с собой не запчасти, а ведомости.

— Тридцать одна мера, — сказал он, глядя на бумаги. — Я просил сорок.

— Ты просил сорок, пока не видел породу, — ответил Энки.

Они стояли на краю карьера, в тени навеса. Энлиль был старше, шире в плечах и всегда казался выше, чем был на самом деле. Он вёл разговоры так, как ведут тяжёлые машины: не оборачиваясь и не сворачивая.

— Нас здесь двести, — сказал он. — Двести на две тысячи километров вокруг. Нужно в десять раз больше.

— Откуда?

— Привезём.

— Корабль идёт сюда сорок лет. Пока привезём, пока те вырастут...

— Тогда другие.

Энки повернулся к нему.

— Какие другие?

Энлиль не ответил сразу. Он смотрел на красные холмы, где в двух днях пути, за рекой, жили Красные. Оттуда по ночам иногда доходил тихий свет — не огонь, а что-то мягче. Энки знал: брат смотрит туда не первый день.

— Они живут рядом, — сказал наконец Энлиль. — Их тысячи. Они сильные, здоровые, живут тысячелетиями. И ничего не делают.

— Они делают то, чего мы не понимаем.

— Вот именно. Они не понимают, а мы умираем.

Это была правда. И Энки это знал. Он лишь не знал, как сказать брату, что правда и то, что с ней делать, — не одно и то же.

— Я поговорю с ними, — сказал он. — Но без давления. Они не из тех, кого можно заставить.

— Всех можно заставить, — сказал Энлиль. — Вопрос только в цене.

Он сложил бумаги и пошёл к челноку. Через плечо добавил, не оборачиваясь:

— Только не затягивай. Отец ждёт.

Вечером в лагере горел костёр.

Это было почти нарушением: открытый огонь на жаре запрещался, но в тот вечер никто не стал его гасить. Горняки сидели вокруг, чёрные от пыли, с кружками мутного напитка, и впервые за много недель говорили не о породе.

Энки не был лишён приглашения, но остановился чуть поодаль, в темноте. Он давно привык слушать, не показываясь.

— А я вот что скажу, — говорил кто-то. — Дома нас считают героями. На площадях стоят статуи. Говорят: горняки Земли, спасители Нибиру.

— Хорошо, что они не видят, как мы тут спим, — отозвался другой голос.

Смех был короткий, лишённый веселья.

— А я вот думаю, — тихо сказал Лугаль. — Мы ведь здесь не рабы. Нас никто не заставляет. Мы сами вызвались.

— Вызвались, — согласился Кишар. — Потому что так надо.

— Тогда почему...

Юноша запнулся.

— Договаривай, — сказал Кишар.

— Почему мы работаем как рабы?

Никто не ответил. Костёр треснул, выбросив искры, и они на секунду повисли в густом воздухе, красные, как маленькие глаза.

— Потому что пока больше некому, — сказал Кишар. — Пока.

В этом «пока» Энки услышал то, что услышал бы любой, у кого есть слух. Это не было ни угрозой, ни жалобой. Это было просто сказано. Так говорят о вещи, которая обязательно случится, — только никто не знает когда.

Он ушёл в темноту, не потревожив их. В кармане лежал самородок, который ему так и не удалось отдать. Он был уже совсем не тёплым. Он остыл, как остывает всё, что слишком долго держишь в руке и никому не показываешь.

На небе над красными холмами взошла незнакомая луна. Энки подумал, что на родине таких не бывает. И что, если он сам не станет думать об этом очень осторожно, то скоро забудет, как выглядит родное небо.

Но думать об этом было уже некогда. В Эриду ждал разговор с Красными.

Глава 3. Язык сердца

Энки пошёл к Красным один и без оружия.

Нинурта возражал. Он встал у трапа челнока, скрестив руки, и сказал, что глава экспедиции не может ходить по чужой земле без охраны — это не риск, это безрассудство, о котором придётся докладывать Энлилю. Энки выслушал его до конца и ответил, что именно поэтому и пойдёт без охраны.

Ответ был не совсем честным. Настоящая причина была в том, что он сам не знал, чего ждёт от этой встречи, а показывать неуверенность Нинурте не хотел.

Река оказалась шире, чем выглядела с высоты. На том берегу в песке лежала плоскодонка — её оставили для гостей, и Энки понял это без слов: у Красных не бывало случайного. Тропа от воды шла вверх, между деревьями с широкими глянцевыми листьями, и кончилась перед городом.

Слово «город» подходило не вполне. Энки привык, что город — это стены, ворота, башни и люди, которые на этих стенах стоят. Здесь не было ничего из этого. Невысокие дома из светлого камня, круглые, с открытыми проёмами вместо дверей. Террасы, спускавшиеся к реке, — на них росли овощи и цветы. Мостики через ручьи. Всё было так неприметно и так лишено охраны, что Энки на мгновение почувствовал себя вором.

И тишина была особенная. Не пустая — в ней были вода, птицы, шум листьев, — но не было ничего человеческого: ни лая, ни окриков, ни стука. Поселение Энки в сравнении с этим казалось не городом, а скопищем железа.

Навстречу вышли двое.

Первый был из тех, кого он видел в день посадки: высокий, с вытянутой головой, тёмной красноватой кожей и глазами, в которых стояла неподвижная ясность. Второй был ниже, шире в плечах, с обычной, как у самого Энки, формой головы. Он нёс на спине корзину и смотрел на гостя с открытым, почти детским любопытством.

Энки уже знал, что это два разных рода одного народа. Высокие назывались нару. Они берегли равновесие, думали за всех и считались старшими. Низкие назывались унну. Они растили еду, строили дома, носили воду. Но слово «низкие» здесь ничего не значило: тот, что с корзиной, кивнул высокому, как кивают брату, а высокий кивнул в ответ так же.

— Тарн ждёт, — сказал носильщик.

Он произнёс это вслух, на ломаном, но понятном языке Нибиру — видимо, выучил его из разведывательных отчётов, которые у Красных, как выяснилось, водились тоже. Энки был тронут. И смутился: сам он за все годы не выучил на их языке ни слова.

Тарн сидел на плоском камне над рекой.

Белые пряди у его висков шевелились на ветру. Рядом стояла чаша с водой, и больше ничего. Он не поднялся навстречу, не поклонился и ничем не показал ни радости, ни недовольства — просто указал рукой на соседний камень.

Энки сел.

Молчание тянулось долго. Он был привычен к паузам в переговорах, но эта была другой: не пустой, а заполненной. Сначала Энки пытался подобрать первые слова. Потом перестал и стал смотреть на воду.

Через некоторое время он понял, что слышит.

Не слова. Что-то более глубокое, чем речь, — как чувство, которое приходит раньше слов. Сначала это было похоже на тепло. Потом на любопытство. Потом на мягкое, почти шутливое удивление — и всё это не принадлежало ему.

Ты думаешь очень громко.

Энки вздрогнул.

— Это... вы?

Тарн улыбнулся. Улыбка у него была странная — одним уголком глаз, а не ртом.

Не словами. Ты привык слушать ушами. Но уши ничего не слышат. Они лишь передают.

— Но как...

Не пытайся понять. Просто слушай.

Энки закрыл глаза. В голове, как в плохо настроенной аппаратуре, стоял гул: список дел, цифры добычи, лицо Энлиля, тридцать одна мера, сорок мер, отец, реактор. Всё это било одновременно и громко. Он попытался заглушить это — и стало ещё громче.

Нет. Не заглушай. Дай им пройти.

Он дал. Мысли пошли, как прохожие по узкой улице, и один за другим растворялись. Голова становилась тише. И в этой тишине возникло то, чего он не слышал, наверное, с самого детства: ощущение, что рядом с ним кто-то есть, и что этот кто-то ничего от него не хочет.

Он открыл глаза. По щеке катилась слеза. Он не помнил, когда в последний раз плакал.

— Что это? — спросил он вслух, хрипло.

— Сердце, — сказал Тарн. Теперь он говорил голосом — Энки понял, что тот перешёл на язык Нибиру, чтобы не пугать его. — Мы называем это просто слышанием. Вы называли так же, но забыли.

— Мы не забыли. У нас этого никогда не было.

— Было, — мягко сказал Тарн. — Вы закрыли.

До самого вечера Тарн водил его по городу.

Правителей здесь не было. Были те, кто слышит лучше других, и к ним шли за советом, но решали сообща, без споров. Энки спросил, как такое возможно, и Тарн пожал плечами: если слышишь друг друга, спорить не о чем. Спор нужен тем, кто не слышит.

А вечером, стоя на мостике через ручей, Энки вдруг заметил вещь, которая напугала его больше всего: он не думал о золоте весь день. Ни разу с утра. Цифры, ведомости, отцовский приказ — всё это куда-то делось, как будто кто-то вынул его из кармана, пока он смотрел по сторонам.

У мастерской они остановились. Унну лепили сосуды из красной глины, и с одним из них Тарн заговорил на своём языке, быстро, почти не размыкая губ. Мастер засмеялся и протянул Энки чашку. Чашка была лёгкая, тёплая, неровная. В её боку виднелся отпечаток большого пальца.

— Это дар, — сказал Тарн. — Он делал её для тебя, пока мы шли.

— Откуда он знал?

— Я сказал ему.

Энки долго вертел чашку в руках. На Нибиру подарок означал расчёт: подарок оценивали, сравнивали, и за ним всегда стояло то, чего от тебя хотели. Здесь он был просто чашкой — сделанной, потому что для неё было место в чужих руках.

У высокого дома на вершине холма они остановились.

— Здесь живёт Мейра, — сказал Тарн. — Она старшая из нас. Ей две тысячи лет.

— Две тысячи?

— Больше. Мы перестали считать.

Тарн помолчал.

— Завтра на рассвете она вознесётся. Если хочешь — приходи.

— Вознесётся?

Тарн посмотрел на него долгим взглядом, и в этом взгляде было то, что Энки потом много раз вспоминал: терпение человека, объясняющего ребёнку очень простую вещь, которую ребёнок почему-то не может понять.

— Увидишь.

Он не спал всю ночь.

Лёжа на циновке в гостевом доме, Энки смотрел в потолок. Сквозь открытый проём виднелись звёзды, и они казались ближе, чем должны быть. Он старался думать о деле — о золоте, о реакторах, о Молоте, который ломается, — но мысли возвращались к чашке, стоявшей рядом. Он держал её у самой руки, чтобы чувствовать тепло глины.

Перед рассветом он поднялся на холм.

Мейра сидела на каменной площадке над долиной, одна. Вокруг неё, на некотором расстоянии, стояли люди — несколько сотен, и ни один не произносил ни слова. Энки встал позади.

Она была очень стара. Но слово «старость» к ней не подходило: в ней не было ни слабости, ни усталости, ни горечи. Одна тишина, как в стоячей воде.

Солнце поднялось над краем долины, и свет коснулся её лица.

Первой изменилась кожа. Она посветлела, стала прозрачнее, и сквозь неё, как сквозь тонкое стекло, проступили линии: кости, сосуды, сложная паутина, которая светилась изнутри мягким золотистым светом. Потом заструился воздух вокруг неё — не дрожал от жара, а сам становился гуще и яснее, и Энки вдруг понял, что видит не тело, а что-то стоящее за телом.

Люди запели. Это не были слова и не была мелодия — один длинный ровный звук, идущий от каждого и ото всех сразу. Он проходил сквозь Энки, как вода сквозь решето, и не оставлял ничего, кроме светлой пустоты.

Потом площадка опустела.

Там, где только что сидела старая женщина, остались тёплый воздух и слабый запах нагретого камня. Ни тела, ни одежды, ни следа. Даже тень на камне исчезла.

Энки поймал себя на том, что стоит на коленях. Он не помнил, как опустился.

Они простились у реки.

Тарн проводил его до лодки и не сказал ничего лишнего. Но когда Энки уже сел на борт, вдруг спросил:

— Теперь ты понимаешь?

— Нет, — честно ответил Энки. — Но я хочу понять.

— Вы ищете бессмертия, — сказал Тарн. — Мы знаем. Мы слышим.

— Откуда...

— Вы думаете об этом громко. Все. Ты, твой брат, ваш отец, которого мы никогда не видели. Вы хотите не умирать, и вы строите для этого машины. Но мы не умираем. Мы возносимся. Это не одно и то же.

— Вы можете научить нас?

Тарн покачал головой.

— Научить нельзя. Можно только показать. Вы закрыли сердце так давно, что уже не видите, что оно закрыто.

— Нам нечего терять. Наш мир умирает.

— Вам есть что терять, — сказал Тарн. — Просто вы не знаете что.

Эти слова Энки повторял про себя всю дорогу назад. Лодка шла по мутной воде, за кормой оставались красные холмы. Вскоре они скрылись — и вместе с ними пропало ощущение, которое он унёс оттуда: чьё-то тихое присутствие рядом, не требующее ничего.

В Эриду его ждал посыльный.

— Господин Энлиль приказал запустить второй реактор в Абзу, — сказал он, запыхавшись. — Не дожидаясь вас. С завтрашнего дня работа круглые сутки.

Энки кивнул. Он ничего не сказал. В кармане, прижатая к бедру, лежала глиняная чашка с отпечатком чужого пальца.

Он вдруг подумал, что в этот самый момент где-то в красной долине Тарн слышит то же самое. И что слушать это, должно быть, очень больно.

Глава 4. Цена золота

К концу четвёртого года Абзу выдавал пятьдесят две меры в неделю. Энлиль получил свою цифру и даже больше — и с той поры перестал присылать ведомости. Сначала Энки не мог решить, что это: благодарность или забвение. Потом понял, что разницы нет.

Он вернулся из красной долины другим человеком, хотя ни перед кем в этом не признался бы. По ночам, в палатке, при переносной лампе, он занимался странным делом — рисовал карту.

На карте не было ни рек, ни холмов, ни дорог. Он наносил на лист то, что показывали приборы: направление и силу магнитного поля планеты в сотнях точек вокруг Абзу. Сначала линии ложились ровно и красиво, как волосы, расчёсанные гребнем. Потом, подступая к шахтам, начинали гнуться. Потом — закручиваться. А в километре от реактора они образовывали почти замкнутую петлю, будто планета нарочно обходила это место стороной, как обходят больное место.

Энки долго смотрел на рисунок и вспоминал слова Тарна. *Вы режете струны.* Тарн сказал это в тот день в долине, на исходе, у мастерской, — сказал вскользь, как говорят о вещи, которую собеседнику ещё рано понять. Энки тогда принял это за образ.

Теперь он видел, что это был точный технический термин.

— Магнитная решётка, — пробормотал он вслух. — Планета построена на ней, как корабль на каркасе. А мы работаем электричеством и распадом. Это чужие силы. Они не ложатся в её рисунок.

Доказать он этого не мог. Но чувствовал так, как чувствуют сквозняк в наглухо запертой комнате: что-то идёт не так, и от запаха этого не избавиться.

Первые толчки случились через неделю.

Ночью лампа дрогнула на столе, по воде в кружке пошли круги, и всё стихло. Утром рабочие шутили — земля чешется. Днём толчок повторился. На третий день по реке поплыла рыба, кверху брюхом, а вода у берега стала серой, будто в неё опустили мокрый пепел.

Энки написал Энлилю три письма. Ответа не пришло ни на одно. Он перечитывал своё первое письмо и слышал в нём голос человека, который сам себе не верит.

Обвал случился на четвёртую ночь.

Энки проснулся не от шума — от тишины. В этом и была странность. Молот гудел круглые сутки, к нему привыкли так, как привыкают к сердцебиению: перестают слышать, пока не остановится. Теперь он стоял мёртвый, и тишина легла на лагерь, как плита.

За палаткой бежали шаги. Всё дальше.

Потом закричали.

Он выбежал босиком. Над карьером стояла пыль, густая, как дым, и в её глубине, там, где ещё вчера был ствол третьего горизонта, зияла воронка. Края её оседали на глазах, осыпаясь тёмными струйками.

— Люди! — кричал кто-то. — Люди внизу!

В ту ночь в шахте работала вся ночная смена. Двадцать два человека. Двадцать два, которых он знал по именам. Он знал бы и двадцать вторую сотню — лагерь был мал, и за четыре года здесь все стали друг другу кем-то.

Энки полез первым.

Никто не отдавал приказов. Кишар, серый от пыли, уже стоял у края и командовал — верёвки, лестницы, носилки, — и голос его был ровен так, как бывает ровен голос человека, у которого внутри всё кричит, а наружу это выпускать некогда. Горняки бросали всё и выстраивались цепью. Кто не мог копать — подавал воду. Кто мог — копал руками.

Энки копал вместе с ними. Земля была горячая, будто под ней горел огонь. Каждые несколько минут она вздрагивала, и тогда все замирали, слушая, жива ли ещё гора, — а потом, не говоря ни слова, брались снова. Он сорвал ногти и не заметил. Заметил позже, когда по порезам потекла тёплая кровь, — и продолжал копать, потому что боль была наименьшим из того, о чём в эту ночь стоило думать.

Первого достали через час. Живого, оглушённого, с кровью в ушах. Потом ещё двоих. Потом ещё. Их выносили на поверхность и клали на расстеленные куски ткани, и тот, кто дышал, получал глоток воды, а тот, кто не дышал, получал взгляд — и больше ничего.

Лугаль вытащил из-под обломков Ларака. Того самого мастера, с обмотанной тряпкой рукой. Он тащил его на себе, оступаясь, плача и не замечая слёз, и когда они выбрались на поверхность, Ларак был уже мёртв.

— Он не дышит, — сказал Лугаль. — Господин, он не дышит!

Энки опустился рядом. Положил ладонь на мёртвую грудь — и ничего не почувствовал. Ни толчка, ни тепла, ни отдачи. Только остывающую ткань под рукой.

Опоры, подумал он. Он говорил об опорах. Он сказал — опоры не держат. А я записал в память прибора и пошёл дальше.

Под утро с реки пришли Красные.

Они появились не толпой — тихо, по двое и по трое, без шума. Унну, широкоплечие, молчаливые, в простых серых одеждах. Несли воду в больших глиняных кувшинах, холщовые мешки с травами, свёртки чистой ткани. Остановились на краю лагеря и ждали.

Нинурта, у которого руки были в крови, выпрямился.

— Стража!

Два десятка воинов в блестящих нагрудниках встали поперёк тропы. Оружие поднялось. Красные не отпрянули. Они просто стояли и смотрели, и в этой неподвижности было что-то такое, от чего стражники первыми отвели взгляд.

— Опустить оружие, — сказал Энки.

Он произнёс это негромко, но Нинурта обернулся, будто получил удар.

— Они пришли без приглашения. Они могут быть...

— Они пришли помогать. Опустить.

Нинурта посмотрел на него, потом на воинов. Секунду казалось, что он не подчинится. Потом коротко кивнул, и оружие опустилось.

Красные вошли в лагерь. Они не задавали вопросов. Те, у кого были травы, склонялись над ранеными. Те, у кого кувшины, подносили воду. Один, огромный и неторопливый, подошёл к краю воронки, постоял — прислушиваясь, Энки понял, — и положил на землю обе ладони.

Энки пошёл к нему.

— Что ты слышишь?

Унну поднял голову. Лицо у него было мокрым. Он плакал, не вытирая слёз — так плачут те, кто разучился стыдиться.

— Она кричит, — сказал он тихо и ясно, на языке Нибиру. — Земля кричит.

Энки не нашёл, что ответить.

Тарн пришёл на рассвете.

Он шёл медленно, опираясь на посох, и все расступались перед ним: горняки, Красные, даже стража. Он остановился у воронки и долго стоял, не двигаясь. Потом перевёл взгляд на Энки.

— Четырнадцать, — сказал он. Это не был вопрос.

— Четырнадцать, — подтвердил Энки. — Ещё восемь тяжело ранены.

— Мы возьмём их к себе. Наши лекари умеют больше, чем ваши.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не милость. Это... — Тарн замолк, подбирая слово. — Это то, что делают, когда рядом больно.

Они стояли рядом и смотрели, как Красные поднимают носилки и несут раненых к реке. Горняки смотрели молча. Кто-то отвернулся и вытер лицо рукавом.

— Я рисовал карту, — сказал Энки. — Планету держит магнитная решётка. Мы её ломаем.

Тарн кивнул так, как кивают услышанному давно известному.

— Ты тоже слышишь.

— Я измеряю.

— Это то же самое, только медленнее.

Он помолчал.

— Земля поёт, — сказал он. — Её песня магнитная, и она пела так миллионы лет. Каждое живое существо на ней знает эту песню и живёт в ней. Вы приносите в песню огонь и яд. Электричество, которое здесь не живёт. Распад, которого здесь не должно быть. Они не гармонируют — они разрушают. Я чувствую каждый удар вашего Молота в зубах.

— Что будет дальше?

— Решётка начнёт ломаться. Сначала понемногу. Земля станет другой. Всё живое на ней станет другим. И однажды она не сможет вернуть то, что было.

— Что нужно сделать?

— Остановиться.

Энки долго молчал.

— Нельзя, — сказал он наконец. — У нас нет выбора.

— Выбор есть всегда, — сказал Тарн. — Просто он стоит дороже, чем вы готовы платить.

Энлиль прилетел к полудню.

Он вышел из челнока один, без свиты, и прошёл прямо к рядам тел, накрытых тканью. Там он остановился и несколько минут стоял молча. Энки знал это лицо — каменное, закрытое, как забрало, — но в ту минуту под ним проступило что-то человеческое, и у Энки на миг сжалось сердце. Потом лицо снова стало забралом, и Энки понял: брат натянул его так же, как надевают нагрудник, — потому что без него нельзя идти туда, куда он идёт.

— Четырнадцать, — сказал Энлиль.

— Четырнадцать, — повторил Энки. — Это не последние, если мы продолжим.

Он протянул брату карту. Энлиль взял, пробежал глазами и вернул.

— Приборы можно подстроить.

— Ты думаешь, я подстроил?

— Я думаю, ты слушаешь не приборы. Ты слушаешь Красного.

— Он прав.

— Возможно. — Энлиль повернул к нему голову. — Скажи мне одно. Если мы остановим Молот, сколько мер мы будем добывать в неделю?

Энки молчал.

— Сколько?

— Ничего.

— Вот именно. — Энлиль помолчал. — Четырнадцать человек погибли. Это ужасно. Я не отказываюсь. Но на Нибиру умирают сотни тысяч, каждый год. Через тридцать лет умрут все. Как ты думаешь, что скажет отец, если я приду к нему и скажу, что мы остановились, потому что земля кричит?

— Он поймёт.

— Он не поймёт. И ты это знаешь.

Энки не ответил. Потому что Энлиль был прав — и это было худшей частью разговора.

— Мы продолжаем, — сказал Энлиль. — Только быстрее. Нинурта получит плазменные резаки. Они берут породу в полтора раза быстрее и питаются от распада.

— От распада?

— Да.

— Энлиль...

— Это приказ.

Он пошёл к челноку. У трапа остановился, не оборачиваясь.

— Похороните их хорошо. Они это заслужили.

Хоронили в тот же вечер, на холме над рекой.

Кишар стоял у края могилы с лопатой в руках. Лопата была та самая, которой он вытаскивал из воронки живых и мёртвых, и на ней всё ещё чернела засохшая глина. Он не смотрел на могилу. Он смотрел на реку — серая вода медленно ползла мимо, неся на себе белые пятна гниющей рыбы.

К нему подошёл Лугаль. Юноша был чёрен от грязи, и лицо у него было такое, как у человека, который проснулся и не может вспомнить, где он.

— Господин Кишар, — сказал он. — Мы ведь герои?

Кишар долго молчал.

— Мы расход, мальчик, — сказал он наконец тихо. — Просто расход. Герои — это те, кого считают. А нас пока не считают.

Он бросил лопату в землю.

— Но мы будем считать сами.

Юноша не понял. А Энки, стоявший у соседнего дерева, понял — и подумал, что если когда-нибудь это будет записано в хронике, то никто, наверное, не заметит, с какого именно слова всё началось.

Глава 5. Нинхурсаг

Второй корабль прибыл через полтора года после обвала.

Он привёз четыреста новых поселенцев, запчасти для реакторов, мешки с семенами — и женщину, которую Энки не видел почти сто лет. Она сошла по трапу, держа в руках небольшой чёрный ящик, и сразу, ещё не поздоровавшись, оглядела причальную площадку цепким, неторопливым взглядом.

— Где у вас больные?

Так Нинхурсаг появилась на Земле.

Она была сводной сестрой Энки и Энлиля — дочерью Ану от другой жены и, по общему признанию, лучшим врачом Нибиру. Низкая, плотная, с короткими седеющими волосами и такими глазами, что рядом с ней невольно хотелось поправить воротник. Она не любила церемоний и не умела притворяться: лицо всегда говорило то, что знала голова. За это её либо обожали, либо старались обходить стороной — третьего не давалось.

— Здравствуй, сестра, — сказал Энки.

— Здравствуй. Ты похудел. — Она посмотрела на него внимательнее. — И постарел. Что у вас тут творится?

— Расскажу по дороге.

— По дороге расскажешь, а я пока посмотрю.

Она пошла к лазарету, и никто не посмел её остановить.

Лазарет в Эриду был наспех сколочен из трёх бараков, крытых корабельными листами. Внутри стояла духота, пахло йодом и чем-то сладковатым, неприятным, от чего хотелось дышать реже. Нинхурсаг прошла вдоль коек, не говоря ни слова. На каждой лежал человек, и каждый был изуродован по-своему. У одного кожа на руках шелушилась красными лоскутами. У другого выпали волосы и брови — лицо стало гладким, как у куклы. У третьего, совсем молодого, щёки покрыли странные пятна, похожие на следы ожогов, хотя огня он, по его словам, не видел.

— С каких пор? — спросила она старшего врача, тощего и растерянного.

— Первые случаи — полгода назад. После того как в Абзу поставили новые резаки. Сначала думали, тропическая лихорадка...

— Это не лихорадка.

Она склонилась над молодым и осторожно коснулась пятна пальцем.

— Болит?

— Нет, госпожа. Просто... не заживает.

— Давно?

— Три месяца.

Нинхурсаг выпрямилась и открыла чёрный ящик. Внутри лежал прибор размером с ладонь, с гибким щупом на конце. Она провела щупом над кожей юноши, потом над головой другого больного. Прибор тихо затрещал.

— Вот оно, — сказала она. — Слышишь?

Энки слышал. Он не понимал, что слышит, но слышал.

— Что это?

— Излучение. Те резаки, что питаются от распада, не только режут породу. Они ещё и светят невидимым. Люди, которые работают с ними, получают дозу и не замечают — до тех пор, пока не начинают выпадать волосы.

— Энлиль знает?

— Теперь узнает.

Она посмотрела на брата так, что ему стало неуютно.

— Ты знал?

— Я подозревал. Но не думал, что так быстро.

— Подозревал, — повторила она. — Хорошее слово. Оно ничего не требует.

Энки не обиделся. Он слишком давно знал сестру, чтобы обижаться на правду: правда у неё была общая собственность, и она раздавала её всем поровну — брату, пациенту, самой себе.

Вечером они сидели на веранде его дома. Нинхурсаг закуталась в тёмное покрывало и пила горький травяной настой, который заварила сама. Глоток — и гримаса. Глоток — и снова гримаса. Она пила его не потому, что нравился, а потому, что был полезен, и это было в её характере целиком.

— Расскажи мне про Красных, — сказала она.

Энки рассказывал долго. О городе без стен. О чашке с отпечатком пальца. О том, как слышал чужую мысль, как шла вода по камню, как старая женщина сидела на рассвете и перестала быть.

Когда он закончил, Нинхурсаг молчала так долго, что он решил: не поверила.

— Это красивая сказка, — сказала она наконец.

— Я видел.

— Я не сомневаюсь, что ты видел. Я сомневаюсь, что ты понял, что видел. — Она поставила кружку. — Ты учёный. Ты должен знать разницу между явлением и объяснением. «Они возносятся» — это не объяснение. Это название. Мне нужны клетки, Энки. Мне нужны цепочки, структуры, механизмы. Мне нужно знать, почему они живут тысячелетиями, а мои пациенты в лазарете не доживают и до пятисот.

— Ты хочешь изучить их?

— Я хочу понять. — Она посмотрела на него прямо. — Знаешь, сколько лет осталось Нибиру по расчётам наших врачей? Двадцать восемь. А потом начнётся то, о чём лучше не думать. Дети рождаются слабыми. Взрослые стареют раньше срока. Атмосфера уходит, и вместе с ней уходит то, что делает нас живыми. Я приехала сюда не из любопытства. Я приехала искать то, что может спасти.

— Золото...

— Золото поможет щиту. Щит спасёт атмосферу. Но не людей. Людям нужно что-то другое.

Она замолчала, глядя в темноту, где редко и глухо шумела река.

— Если у Красных есть это другое, — сказала она тихо, — я хочу его найти.

Тарн принял её на удивление легко.

Энки готовился к отказу. Он репетировал объяснения, оправдания, аргументы — и всё это оказалось не нужно. Когда они пришли в красную долину и Нинхурсаг без лишних слов изложила просьбу, Тарн выслушал её и только кивнул.

— Смотри, — сказал он. — Если хочешь.

— Мне нужны образцы, — начала она.

— Образцы мы пока не дадим. Но смотреть можешь. Приходи к лекарям.

Лекари жили у реки, в длинных низких домах, где к потолочным балкам были подвешены пучки трав. Нинхурсаг провела там три дня. Она сидела в углу, никому не мешая, и наблюдала. Энки заходил к ней вечерами и каждый раз заставал её над записями: растрёпанные волосы, воспалённые глаза, пальцы, которые писали быстрее, чем думала голова. Она почти не говорила. Только иногда бормотала что-то себе под нос, зачёркивала написанное и начинала снова.

На четвёртый день к лекарям принесли двоих горняков из Абзу — тех, кто работал с резаками. Один был в тяжёлом состоянии: кожа обгорела до мяса, дыхание шло с хрипом, короткими рваными толчками. Нинхурсаг подошла и встала рядом с лекарем-унну, немолодой женщиной с широкими ладонями.

Женщина положила руки на грудь больного и закрыла глаза.

Ничего не произошло. Ни света, ни звука, ни движения. Но Нинхурсаг, державшая в руке свой прибор, вдруг резко вдохнула.

— Энки.

— Что?

— Смотри.

Она показала экран. По нему бежали линии: ровные, ритмичные. Сначала тусклые и нервные, как у любого тяжёлого больного, — но пока женщина стояла, молча и неподвижно, линии менялись. Становились чётче. Ритм выравнивался. Амплитуда росла.

— Это клеточная вибрация, — сказала Нинхурсаг. — У моего больного она была на пределе. Сейчас она растёт. Он приходит в норму.

— Она передаёт ему что-то?

— Не «что-то». Она передаёт ритм. Она сама вибрирует так, что он подстраивается. Как две струны: одна звучит — и другая начинает звучать вместе с ней. — Нинхурсаг опустила прибор. Руки у неё чуть дрожали. — У нас такого нет. Наши клетки вялые, они не держат собственную частоту, как испорченные часы. А у них... у них клетка как маленький камертон.

Больной задышал ровнее. Лекарь убрала руки, открыла глаза и улыбнулась.

— Он будет жить, — сказала она на ломаном языке Нибиру. — Просто спит.

— Как его зовут? — спросила Нинхурсаг.

— Ибби, — сказала женщина.

Нинхурсаг посмотрела на неё. Имени она не спрашивала и не произносила.

— Как вы это делаете? — спросила она.

— Я не делаю, — ответила та. — Оно само. Когда сердце открыто.

— У вас что-то особенное в клетках?

— Не знаю. — Лекарь пожала плечами, и это было не скромничанье, а честность. — Я просто помогаю. Я не умею думать об этом иначе.

Вечером Нинхурсаг долго стояла на берегу реки, глядя на воду.

Энки подошёл и встал рядом. Некоторое время они молчали. По небу над рекой медленно двигалась полоса вечернего света — сначала золотого, потом красного, потом тёмно-синего.

— Ну? — спросил он наконец.

— Они не стареют так, как мы, — сказала Нинхурсаг. — Они не умирают. Они переходят. Это не метафора, Энки. Я видела записи: перед вознесением клетки Мейры, той самой старой женщины, вибрировали на частоте, которую я не могу даже вообразить. Они не распадались. Они поднимались.

— Значит, теперь ты веришь?

— Я верю в данные. А данные говорят, что у них есть структура, которой нет у нас. Возможно, она в цепочках, из которых строится тело. Возможно, в чём-то другом. Но она есть. И значит, её можно...

Она замолчала.

— Что? — спросил он.

— Скопировать.

Энки повернулся к ней.

— Не скопировать, — сказал он. — Понять.

— Для тебя это разные вещи, — тихо сказала Нинхурсаг. — Для моих пациентов нет. Когда у человека кожа сходит лоскутами, ему всё равно, понимаешь ты или копируешь. Ему нужно, чтобы это прекратилось.

Она повернулась к реке.

— Я не говорю, что мы будем это делать. Я говорю, что у нас может не остаться выбора. И что тогда нам придётся решать, на что мы готовы пойти.

Энки ничего не ответил. Он смотрел на воду, и ему казалось, что в её тёмной глубине кто-то стоит и слушает этот разговор. Он не мог бы объяснить, откуда взялось это чувство. Просто на мгновение показалось, что у реки появились уши.

— Я завтра поговорю с Энлилем, — сказала Нинхурсаг. — Про излучение. Он должен снять резаки.

— Не снимет.

— Знаю. Но пусть скажет это мне в лицо.

Глава 6. Совет в Эриду

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.